

В.В.Кондрашин,
кандидат исторических наук,
Пензенский государственный
педагогический университет

Самарский Комуч и крестьянство

Одной из актуальных проблем в отечественной историографии по-прежнему остается осмысление причин победы в России большевизма и создания сталинской модели государственности. Почему именно на путях авторитаризма и сталинской диктатуры России пришлось решать объективно назревшие в пореформенный период исторические задачи модернизации страны? По нашему глубокому убеждению, это связано с аграрным характером страны, ставшей на путь индустриальной модернизации. В данном контексте, на наш взгляд, представляет интерес история Самарского Комуча — демократического правительства, образованного в Самаре летом 1918 г. бывшими членами Учредительного Собрания. Его опыт уникален, так как он позволяет "в чистом виде" увидеть на практике так называемый третий путь в революции и объективно оценить политические потенции революционно-демократической интеллигенции. Иллюзорность подобного пути становится очевидной при обращении к опыту взаимоотношений Комуча с крестьянством — основной массой населения подвластной ему территории. Именно крестьянство своим нежеланием защищать Комуч подписало смертный приговор демократической альтернативе большевизму со всеми вытекающими отсюда последствиями. Попытаемся тезисно аргументировать высказанные положения, обратившись непосредственно к историческому опыту Самарского Комуча.

Идея Учредительного Собрания была популярна среди крестьян до тех пор, пока на него возлагалась надежда в решении земельного вопроса. Именно поэтому в поволжском регионе на выборах в Учредительное Собрание 70% всех голосов получили эсеры как партия, в наибольшей степени выражавшая крестьянские интересы¹. Аграрное законодательство большевиков, основанное на

¹ Попов Ф. Чехословацкий мятеж и Самарская Учредилка. Куйбышевское издательство, 1937. С. 40.

эсеровских лозунгах, решило вопрос о земле в интересах подавляющего большинства крестьян. Поэтому факт насильственного разгона большевиками Учредительного Собрания не вызвал в Поволжье их массового недовольства. Никаких серьезных волнений по этому поводу в деревнях региона отмечено не было¹. Пользуясь поддержкой крестьян, большевики в начале 1918 г. успешно укрепили свою власть в Поволжье.

Ситуация резко изменилась летом 1918 г., когда большевики с помощью комбедов раскололи деревню и стали осуществлять принудительные реквизиции продовольствия и мобилизацию в Красную Армию. Ответной реакцией на подобные действия стала волна крестьянских выступлений, прокатившаяся по региону².

Негативное отношение основной массы крестьянства к большевистской власти стало причиной ее быстрого падения в районе мятежа чехословацкого корпуса. Ни в одном из изученных источников не показывается прямой враждебности деревни к чехословакам в момент их выступления. Более того, имелись единичные факты проявления открытых симпатий крестьян мятежникам. Точно так же они отнеслись к созданию в Самаре демократического правительства: не поддержали власть Комуча, но и не выступили против нее. Крестьяне выжидали, предпочитая оставаться в стороне от острой политической борьбы и не участвовать в гражданской войне³.

В то же время, уже с первых дней существования новой власти для крестьян было очевидно, что, в отличие от большевиков, разогнанные члены Учредительного Собрания смогли создать свои властные структуры с помощью штыков иностранных граждан, находящихся на территории России (чехословаков). Данный факт вызвал крайне негативную реакцию самой активной в политическом отношении части деревни — фронтовиков, которые возмущались тем, что Россией "правят чехи", "наши пленные"⁴. В глазах крестьян члены Комуча стали ассоциироваться с чужеземцами, которые хотя и прогнали большевиков, но все же действовали в своих интересах, а не в интересах России. Поэтому обвинения большевиков в предательстве, продаже России и т.п. в устах представителей Комуча звучали для крестьян не очень убедительно⁵. Комучевцы были не лучше.

Главный лозунг Самарского Комуча состоял в освобождении народа от тирании большевистской власти и восстановлении в стране подлинной свободы и демократии. Им были отменены все законы совет-

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 23. Л. 14, 107.

² *Кондрашин В.В.* Крестьянское движение в Поволжье в годы гражданской войны: Новые источники и подходы // *Власть и общество России. XX век.* М., 1999. С. 246

³ *Константинов С.И.* Вооруженные формирования антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны: Дис. док-ра ист. наук. Екатеринбург, 1998. С. 131-132; ГАРФ. Ф.Р. 1248. Оп. 1. Д. 28. Л. 5.

⁴ ГАРФ. Ф.Р. 749. Оп. 1. Д. 51. Л. 38 об.

⁵ Там же. Л. 6-6 об., 8; Д. 30. Л. 1а.

ской власти. Крестьянам была дарована свободная торговля хлебом. 25 июня 1918 г. Комуч издал приказ № 15 "О земельных комитетах и земельном вопросе", который провозгласил действие на его территории десяти пунктов основного закона о земле, принятого Учредительным Собранием 5 января 1918 г. Закон отменял право частной собственности на землю и передавал ее с недрами, лесами и водами в народное достояние. В специальной декларации Комуча решительно заявлялось, что земля бесповоротно перешла в народное достояние и никаких попыток к возврату ее в руки помещиков комитет не допустит. В декларации запрещались сделки купли-продажи и залоги на землю сельскохозяйственного значения и лесные угодья, а также объявлялись недействительными тайные и фиктивные сделки. Кроме того, в ней заявлялось, что виновные "в нарушении сего будут подлежать строжайшей ответственности"¹.

На практике Комуч не смог убедить крестьян в необратимости произошедших перемен, прежде всего — в главном для них земельном вопросе. Деревня была отдана на откуп военщине, которая с помощью принуждения и насилия осуществляла мобилизацию крестьян в Народную Армию. В большинстве своем офицерский корпус был настроен монархически и не скрывал своих намерений восстановить прежние порядки после победы над большевиками. Более того, в ряде случаев офицеры уже делали это. В своих бывших имениях они наказывали крестьян за причиненные им убытки: пороли и расстреливали зачинщиков².

Подобные действия не санкционировались Комучем. Масштабы захлестнувшего деревню насилия заставили его выпустить 20 сентября 1918 г. специальный циркуляр с осуждением самовольных действий военных и бывших помещиков³. Но он был бессилен противостать им практически. Ни один офицер, участвовавший в реквизициях крестьян, наказан не был.

Кроме того, на крестьян крайне негативно действовали факты намечавшихся продаж бывших помещичьих имений различным коммерческим структурам (например, имения графа Орлова-Давыдова — французскому банку)⁴.

В совокупности вышеизложенные факты не могли не вызвать у крестьян серьезных опасений лишиться главного своего завоевания — бывшей помещичьей земли. Неспособность Комуча защитить их перед произволом военщины лишь укрепляла данные опасения. Об этом было открыто заявлено в выступлениях крестьян на VI Самарском губернском крестьянском съезде в сентябре 1918 г.⁵

¹ ГАРФ. Ф.Р. 749. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; Д. 16. Л. 8 об.-9 об.

² Попов Ф. Указ. соч. С. 136, 170-171; Земля и воля. 1918. 11 авг.; Вечерняя Самара. 1918. 12 июля; РГВА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 170. Л. 105-105 об.

³ Волжское слово. 1918. 21 сент.

⁴ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 27. Л. 234 об.

⁵ Вестник Комуча. 1918. № 60. 19 сент.

Комуч оказался не способным, так же как и советская власть, решить проблему товарного дефицита, т.е. обеспечить деревню промышленными товарами и предметами первой необходимости (солью, спичками, керосином и т.д.), что быстро проявилось в незаинтересованности крестьянства в снабжении города продовольствием и сырьем. Летом 1918 г. столица "демократической России" Самара испытывала трудности со снабжением населения хлебом, особенно малообеспеченных слоев. Самарские газеты сообщали о росте цен на хлеб, фактах снятия с государственного обеспечения хлебом безработных, приютов, уменьшения размеров продовольственных пайков госслужащим¹. В связи с этим вполне логичным было предложение председателя Самарского губпродкомитета Ф.Я.Рабиновича, прозвучавшее 1 августа 1918 г. на областном продовольственном съезде, о восстановлении хлебной монополии². Таким образом, объективные обстоятельства диктовали Комучу возвращение к политике жесткого государственного регулирования сельского хозяйства, отвергнутой им в первые месяцы своего существования. Для деревни это означало возвращение к большевистским порядкам, но только в завуалированной форме.

Концентрированным выражением отношения крестьян к власти Комуча и ее политической дееспособности стали результаты мобилизации в Народную Армию. Мобилизация провалилась вследствие нежелания крестьян участвовать в гражданской войне. В отличие от большевиков, Комуч не смог провести тотальную мобилизацию и выставить против большевиков многочисленную и боеспособную армию. На территории Комуча находилось порядка 1 452 069 трудоспособных мужчин. Из них добровольцами в Народную Армию записалось 2000 крестьян, или 0,1%, и из сельской местности удалось призвать примерно 23 000 человек³. Летом 1919 г. в одной только Самарской губернии в результате осуществленной советской властью мобилизации в Красную Армию было поставлено под ружье 140 тыс. человек, т.е. около 1/3 трудоспособного мужского населения, а в целом по всем губерниям Поволжья — 454 300 человек⁴.

При проведении мобилизации Комуч активно использовал методы насилия. Воинские отряды, как правило, возглавляемые монархически настроенными офицерами царской армии, пороли новобранцев и их родителей за нежелание идти служить, в ряде случаев расстреливали дезертиров. В Бузулукском уезде к

¹ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 27. Л. 128 об.; Ф. 106. Оп. 7. Д. 56. Л. 65, 77 об.; Волжское слово. 1918. 6 июля.

² Вестник Комуча. 1918. № 22. 3 авг.

³ *Медведев В.Г.* Белый режим под красным флагом (Поволжье, 1918). Ульяновск, 1998. С. 53, 60.

⁴ Там же. С. 22; *Кондрашин В.В.* Указ. соч. С. 247.

села, оказывавшим противодействие мобилизации, применялась артиллерия¹.

Закономерной реакцией на подобные действия власти стало развернувшееся на территории Комуча крестьянское движение. В деревнях создавались отряды самообороны, в лесах действовали партизанские отряды, в прифронтовых уездах оказывалось содействие наступающим частям Красной Армии².

В сводках сведений, составленных по материалам докладов членов Агитационного бюро по вербовке солдат в Народную Армию, поступавших в военное ведомство Комуча, указывалось, что деревня не желает воевать из-за опасений, что помещики отберут "все, попавшее в руки крестьян во время революции". Об этом же писалось в выходивших на территории Комуча меньшевистских и эсеровских газетах³. Другой причиной в указанных выше источниках называлось нежелание крестьян отрываться от полевых работ⁴.

Кроме того, во всех источниках констатировалось нежелание крестьян участвовать в гражданской войне из-за общей усталости деревни, измученной разрухой⁵. Крестьяне хотели остаться в стороне от вооруженного противостояния красных и белых. Как отмечали агитаторы Комуча и командиры карательных отрядов, при проведении мобилизации характерными были следующие заявления крестьян: "Мне не нужна ваша земля и воля, лишь бы вы у меня не брали сына", "Дело затеяли чехи да мадьяры, пусть они и воюют между собой, а наше дело сторона"⁶.

Подобные заявления свидетельствовали об антигосударственной позиции крестьян, существовавших у них иллюзиях возможности избежать неминуемых тягот, обусловленных гражданской войной. Об этом очень точно было сказано в одной из сводок агитбюро Комуча: "Желают, чтобы государственное строительство, защита их благополучия обошлись без жертв с их стороны"⁷. Данную позицию в качестве основной причины провала мобилизации в Народную Армию назвал в своих воспоминаниях и один из руководителей Комуча П.Д.Климушкин. Он писал: "Несмотря на сочувствие новой власти и даже на доверие к ней, все же крестьянство... давало очень неохотно своих сыновей в Народную Армию. Это надо констатировать откровенно: ненавидя большевиков, оно вместе с тем еще больше ненавидело гражданскую войну и в этой войне участ-

¹ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 29. Л. 99; РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 9. Л. 34-35; Вестник Комуча. 1918. № 61. 20 сент.

² Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. М., 1998. Т. 1. С. 76; РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 119; Ф. 106. Оп. 7. Д. 56. Л. 5, 70.

³ ГАРФ. Ф.Р. 749. Оп. 1. Д. 27. Л. 24 об.; Д. 51. Л. 38, 40.

⁴ Там же. Д. 51. Л. 38, 40.

⁵ Там же. Л. 39 об.

⁶ Там же. Л. 39-40.

⁷ Там же. Л. 40 об.

вовало без всякого энтузиазма... Деревня не хотела больше гражданской войны и жаждала покоя"¹.

В то же время в ходе мобилизации выяснилось, что крестьяне в своих политических симпатиях были прагматиками, готовыми подчиниться сильной власти. Там, где Комуч проявлял эту силу, мобилизация проходила успешно. Например, в рапорте директора департамента Государственной охраны Комуча от 29 сентября 1918 г. указывалось, что в прифронтовых уездах Самарской и Симбирской губерний население "идет навстречу власти" лишь тогда, когда чувствует, что эта власть "твердо преследует сторонников большевизма"². Однако, как видно из результатов мобилизации, сил у Комуча оказалось недостаточно, чтобы запугать крестьян и заставить их беспрекословно подчиниться его распоряжениям. Большевикам это сделать удалось.

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что нежелание крестьянства Поволжья защищать революционную демократию, "третий путь" в революции и гражданской войне было обусловлено комплексом причин как объективного, так и субъективного характера. Объективным фактором, безусловно, была общая усталость деревни, ее антигосударственный, антигородской настрой: остаться в стороне, не участвовать в схватке, пользоваться плодами революции в пределах своей деревни. Но подобные настроения были характерны и для советской деревни!

Антигосударственный настрой крестьян Поволжья подпитывался реальными, а не декларируемыми действиями в деревне исполнительных органов Комуча. По своему характеру они очень быстро стали мало чем отличаться от действий большевистской власти, поэтому воспринимались в деревне без восторга. Но все же они имели одно принципиальное отличие, которое решающим образом меняло ситуацию. За демократическим фасадом Комуча, красивыми словами о свободе крестьяне увидели помещика, жаждавшего вернуть свою землю и жестоко покарать их за самоуправство в 1917 г. Поэтому страх перед угрозой реставрации помещичьего землевладения заставлял крестьян забывать о притеснениях большевиков, заглушал существовавшую к ним ненависть. Он не мог позволить им безоговорочно встать на защиту антибольшевистского Самарского Комуча. Не в пользу Комуча был и факт причастности к учреждению его власти чехословацких легионеров. Власть, сидящая на иностранных штыках, не могла вызывать уважения народа.

В конечном счете крестьяне вынуждены были занять пассивную, выжидательную позицию, в ряде случаев переходившую в позицию вооруженного нейтралитета. Она оказалась на руку большевикам, которые, используя мобилизационные ресурсы подкон-

¹ ГАРФ. Ф.Р. 5881. Оп. 2. Д. 403. Л. 147, 149.

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 275. Л. 153-153 об.

трольных им губерний, создали более боеспособную армию и разгромили Комуч.

Таким образом, опыт Самарского Комуча, не сумевшего увлечь за собой крестьян, убедительно доказывает политическую недееспособность, закономерность краха демократической альтернативы в революции и гражданской войне, неизбежность выхода на арену бескомпромиссного противоборства двух сил — красных и белых.